

«Я, имярек, один из смиреннейших, исследовал сердце свое в поисках путей милости, дабы осуществить духовный рост, и я установил три пути, ведущих к одухотворению: простонародный, философский и каббалистический. Простонародным путем, как я узнал, следуют мусульманские подвижники. Они используют всякого рода приемы, дабы исключить из своих душ все «естественные формы», всякий образ знакомого, естественного мира. Затем, утверждают они, когда духовная форма, образ из духовного мира, проникает в их душу, он обособляется в их воображении и настолько усиливает их воображение, что они могут предсказывать то, что должно произойти с нами. Вникнув в дело, я нашел, что они призывают Имя, звучащее на языке Измаила как «Аллах». Я продолжил свое исследование и заключил, что, произнося звуки, образующие это имя, они совершенно отвращают свой помысел от какой бы то ни было «естественной формы» и сами буквы слова «Аллах» и различные силы, таящиеся в них, оказывают свое действие на них. Они впадают в транс, сами не ведая, каким образом, так как им не была передана каббала. Это удаление всех естественных форм и образов из души называется у них «стиранием».

«Второй путь — путь любомудрия, и посвященный сталкивается с огромнейшими трудностями, пытаясь изгнать его из своей души, ибо путь сей служит великой усладой для человеческого разума, и разум может целиком объять его. Он заключается вот в чем: посвященный составляет представление о некоей науке, например, о математике, и затем переходит по аналогии к какой-либо из естественных наук, и, наконец, от той к теологии. Он продолжает кружить затем вокруг своего центра, испытывая удовольствие по мере своего продвижения в этих изысканиях. И его наслаждение столь велико, что он не в силах оторваться от представлений, уже утвердившихся в нем. В лучшем случае он может наслаждаться, продолжая размышлять, и он хочет предаться этому, удалившись от мира, дабы ни одна душа не помешала его мыслям, пока они не выйдут немного за пределы чистого философствования и не уподобятся сверкающему мечу, обращающемуся во все стороны. Истинная причина всего этого таится также в созерцании им букв, через посредство которых он познает вещи. Предмет, наложивший печать на человеческий разум, владеет им, и он мнит себя великим во всех науках, так как он видит, что достиг этого познания естественным путем. Он утверждает, что некоторые вещи открываются ему путем пророчества, хотя он не уяснил себе истинной причины этого, но полагает, что это происходит с ним лишь из-за расширения и углубления его человеческого разума... Но в действительности это буквы, которыми он овладел с помощью своей мысли и воображения, движением своим воздействуют на него и приковывают его внимание к трудным предметам, хотя он и не осознает этого.

Но если вы обратитесь ко мне с трудным вопросом: «Почему в наши времена мы читаем

письмена, переставляем их и пытаемся прийти к результатам с их помощью, не замечая, однако, того, чтобы что-либо из этого получилось?» — ответ содержится, как я докажу с Божьей помощью, в третьем способе одухотворения. И я, смиренный имярек, собираюсь поведать вам о том, что я испытал в этой области.

Знайте, друзья, что с самого начала я чувствовал желание изучать Тору, и я выучил кое-что из нее и из остальных священных книг. Но я не встретил ни одной души, под чьим руководством я мог бы заняться изучением Талмуда, не столько из-за недостатка учителей, сколько из-за моей привязанности к дому и любви к родителям. Наконец, однако, Бог сообщил мне силу обратиться к поискам Торы. Я уехал, и искал, и обрел, проведя несколько лет за границей за изучением Талмуда. Но пламя Торы продолжало гореть во мне, хотя я и не осознавал этого.

Я вернулся на родину, и Бог свел меня с одним еврейским любомудром, с которым я изучал немного «Путеводитель растерянных» Маймонида, и это только усилило мою любознательность. Я получил кое-какие познания в науке логики и в естественных науках, и это доставило мне большое наслаждение, ибо, как вы знаете, «природа притягивает природу». И Бог мне свидетель: если бы я ранее не укрепился в вере, посредством которой я узнал кое-что из Торы и Талмуда, побуждение выполнять многие религиозные заповеди оставило бы меня, несмотря на то, что огонь чистого умысла пылал в моем сердце. Но то, что этот учитель преподавал мне путем любомудрия (о смысле заповедей), не удовлетворило меня, пока Господь не свел меня с неким Божьим человеком, каббалистом, который наставил меня в началах каббалы. Тем не менее, вследствие моего поверхностного знания естественных наук, путь каббалы показался мне почти невозможным.

Тогда мой учитель сказал мне: «Сын мой, почему ты отвергаешь то, чего ты не испытал? Гораздо больше подобало бы тебе испробовать это. Если бы затем ты заключил, что путь сей бесполезен для тебя,— и если бы ты не достиг такого совершенства, чтобы винить в этом самого себя,— тогда только ты мог бы сказать, что это бессмысленно». Но чтобы сделать приятными эти предметы, пока мой разум не воспримет их, и чтобы я мог погрузиться в них с рвением, он имел обыкновение объяснять мне естественными причинами все, в чем он наставлял меня.

Я так рассуждал в душе: я могу здесь только обрести, а не потерять. Посмотрим, найду я что-либо во всем этом, значит, это будет чистым выигрышем для меня, а если нет, то мое останется при мне. Я согласился, и он обучал меня способу перестановок и комбинирования букв, мистике чисел и другим путям «Сефер Йецира». Каждым путем он давал мне странствовать в течение двух недель, пока каждая форма не запечатлелась в моем сердце, что заняло в совокупности четыре месяца, а затем велел мне «стереть» все.

Он имел обыкновение говорить мне: «Сын мой, замысел состоит не в том, чтобы ты остановился на какой-либо конечной или заданной форме, хотя бы она была высочайшего порядка. Гораздо скорее он заключается в «пути имен». Чем менее понятны имена, тем выше их порядок, пока ты не достигнешь силы такой действенности, что не ты будешь управлять ею, а она будет управлять твоим разумом и твоей мыслью». Я возразил: «Если это так (что все духовные и чувственные образы должны быть «стерты»), то почему же тогда ты, господин, сочиняешь книги, в коих методы ученых естественных наук сочетаются с наставлением в святых именах?» Он отвечал: «Ради тебя и тебе подобных среди последователей любомудрия. Дабы прельстить ваш человеческий разум естественными средствами и побудить благодаря их привлекательности познать Святое Имя». И он показал мне книги, состоявшие из (комбинаций) букв, имен и мистических чисел (*гематрии*), в которых никто никогда не смог бы разобраться, ибо они были составлены не в такой форме, чтобы их можно было уразуметь. Он сказал мне: «Это (неизвращенный) путь имен». И в самом деле, я ничего не хотел знать об этом, так как мой разум не воспринимал этого. Он промолвил: «Было очень глупо с моей стороны показывать их тебе».

Одним словом, когда минули два месяца и мысль моя освободилась (от всего вещественного) и я осознал, что во мне происходит нечто странное, решил я однажды ночью заняться комбинированием букв, размышляя об этом в философской медитации, несколько иначе, чем я это делаю ныне. Так я продолжал поступать три ночи, не говоря ему об этом. В третий раз, после полуночи, я немного вздремнул, держа гусиное перо в руке и бумагу на коленях. Заметив, что свеча гаснет, я встал, чтобы поправить ее, как это часто делает бодрствующий человек. Тут я увидел, что свет не пропадает. Я очень удивился этому, пока после тщательной проверки не обнаружил, что свет исходит от меня самого. Я сказал: «Не верю этому». Я исходил весь дом вдоль и поперек, но вот свет был со мной. Я лег в постель и накрылся с головой, и вот, свет не исчезал все время. Я промолвил: «Поистине, я узрел великое знамение и новое явление».

На другое утро я рассказал об этом своему учителю и принес ему листы, которые я исписал комбинациями букв. Он поздравил меня и сказал: «Сын мой, если ты посвятишь себя комбинированию святых имен, еще более великие вещи произойдут с тобой. А теперь, сын мой, признайся, что ты не способен отказаться от комбинирования. Подели пополам ночь: половину ночи комбинируй, а половину — занимайся перестановками».

Я пользовался этим методом неделю. В течение второй недели сила медитации настолько возросла во мне, что я не успевал записывать комбинации букв (которые сами собой лились из-под моего пера), и если бы при этом присутствовали десять человек, то и они не смогли бы записать такого множества комбинаций, какое являлось мне во время притока

Божественного разума. Наконец, настала ночь, когда эта сила овладела мной, и миновала полночь — время, когда она особенно расширяется и умножается, тогда как тело слабеет, — и я приступил к перестановке и комбинированию частей Великого Имени Божьего, состоящего из семидесяти двух имен. Но вскоре буквы приняли в моих глазах вид огромных гор, меня обуяла неумная дрожь, силы оставили меня, волосы мои вздыбились, и я почувствовал себя так, как если бы я покинул сей мир. Я тут же упал, ибо из-за совершенной разбитости не мог держаться на ногах. И вот некое подобие речи родилось в моем сердце и дошло до моих уст, понудив их прийти в движение. Я помыслил: «Не вселился ли в меня, помилуй Боже, дух безумия?» Но вот я услышал, что он речет премудрость. Я сказал: «Поистине, это дух мудрости». Вскоре мои природные силы вернулись ко мне, я встал, страшно измученный и все еще не веря себе. Я снова занялся Именем и делал то же, что прежде, и вот оно оказало на меня точно такое же действие. Тем не менее, я не поверил себе, пока не испытал этого четыре или пять раз.

Встав утром, я рассказал своему учителю о том, что произошло. Он ответил мне: «А кто позволил тебе касаться Имени? Разве я не наказывал тебе переставлять только буквы?» Он продолжал: «Происшедшее с тобой является поистине высокой степенью в степенях пророчества». Он хотел освободить меня от этого, ибо он видел, что лицо мое переменялось. Но я сказал ему: «Во имя Неба, не можешь ли ты немного укрепить меня, чтобы я мог вынести силу, восстающую из моего сердца, и принять исток ее, ибо она весьма напоминает источник, наполняющий водой вместительный бассейн. Если человек (не имеющий для этого надлежащей подготовки) откроет шлюз, то воды источника затопят его и душа покинет его. Он ответил мне: «Сын мой, этой силой может наделить тебя Господь, ибо человек не властен над ней».

В ту субботнюю ночь сила производила во мне то же действие. Когда после двух бессонных ночей я провел день и ночь за размышлением о перестановках или принципах, существенных для узнавания этой истинной действительности и для уничтожения всякого помысла, направленного на постороннее, — тогда я имел два знамения, по которым я узнал, что я был в состоянии истинной восприимчивости. Одно знамение заключалось в усилении естественной мысли об очень глубоких предметах знания, немощи плоти и укреплении духа, покамест я сидел здесь в состоянии, когда мое Я обратилось целиком в душу. Вторая примета состояла в том, что во мне нарастала работа воображения и мне казалось, что голова моя раскалывается. Тогда я понял, что я готов принять Имя. В ту же ночь я также отважился подступить к великому несказуемому Имени Божьему (имени *Йуд-Гей-Вав-Гей*). Но едва я коснулся его, как почувствовал слабость, и в душе моей прозвучал голос: «Ты умрешь и не останешься в живых! Кто подвигнул тебя касаться Великого Имени?» И вот я сразу же упал

ниц и взмолился к Господу: «Владыка вселенной! Я пришел на это место ради одного Неба, как ведомо Твоей Славе. В чем грех мой и в чем проступок? Я пришел лишь затем, чтобы познать Тебя, ибо не заповедал ли еще Давид Соломону: «Знай Бога, отца твоего, и служи Ему»,— и не открыл ли нам наш учитель Моше, да пребудет с ним мир, этого в Торе: «Открой мне путь Твой, чтобы я познал Тебя, дабы обрести благоволение в очах Твоих?» И вот не успел я вымолвить сих слов, как елей, подобный елею помазания, умастил меня с головы до пят и великая радость, которую в ее одухотворенности и блаженстве я не в силах описать, обуяла меня.

Все это случилось с вашим слугой в самом начале его пути. И я пишу этот отчет не из бахвальства, Боже упаси, не затем, чтобы прослыть великим в глазах черни, ибо я знаю очень хорошо, что почитание черни есть недостаток и несовершенство для тех, кто ищет истинного достоинства, отличного по виду и характеру от достоинства черни, как свет от тьмы.

Теперь, если иные из любомудрствующих, сынов нашего народа, которые чувствуют, что их привлекает натуралистический путь познания, и чья умственная сила совершенно недостаточна для проникновения в тайны Торы, прочтут это, они посмеются надо мной и скажут: «Посмотрите, как он пытается совратить Наш разум пустой болтовней и побасенками, причудливыми выдумками, смутившими его ум и принимаемыми им по причине слабого знания им естественных наук за чистую монету». Если, однако, это попадется на глаза каббалистам, разбирающимся в предмете, или, того лучше, тем, кому вещи раскрылись посредством их собственного опыта, то они порадуются, и мои слова удостоятся их одобрения. Но то, что я изложил это обстоятельно, послужит для них помехой. Тем не менее, Бог свидетель, моим намерением было умножению Славы Господней, и я пожелал бы, чтобы каждый из нашей святой нации отличился бы в этом служении больше моего и был бы чище, чем я. Быть может, тогда можно было бы раскрыть вещи, которые мне еще неведомы... Что же касается меня, то я не могу не поделиться, не скупясь, с другими тем, чем одарил меня Господь. Но так как в этой науке не существует естественного доказательства, ибо предпосылки ее такой же духовной породы, как и выводы, я был понужден поведать эту историю, происшедшую со мной самим. Поистине единственным доказательством в этой науке служит сам опыт. Вот почему я говорю человеку, оспаривающему правильность этого пути, что я могу представить ему экспериментальное доказательство, а именно мое собственное свидетельство о духовных результатах моих собственных опытов в науке письмен в согласии с «Сефер Йецира». Конечно, я не испытал физических (магических) влияний (таких действий); и даже признав возможность существования такой формы опыта, я, со своей стороны, отклоняю любую ее разновидность, ибо это низшая форма, в особенности при сравнении ее с совершенством, которого душа

может достигнуть духовным путем. Поистине, мне кажется, что тот, кто пытается прийти к этим (магическим) результатам, оскверняет Имя Божье, и именно это подразумевают наши учителя, когда они утверждают: с тех пор, как воцарилась распущенность, в Имени Божьем наставляют только самых скрытных священников.

Третий путь — это каббалистический путь. Он заключается в слиянии в душе человека принципов математической и естественной науки, чему предшествует изучение им буквального смысла Торы и веры, дабы таким образом посредством тонкой диалектики он вострил свой ум и не верил, словно простофиля, всякой всячине. Все это человеку необходимо лишь потому, что его держит в плену мир природы. Ибо не подобает разумному существу, заточенному в темницу, не искать любого выхода, проема или узкой щели, чтобы бежать на волю. Если бы днес жил пророк, который бы показал нам способ вострить наш природный ум и находить в нем тонкие формы, чтобы мы могли с их помощью отринуть телесность, нам не нужны были бы все эти естественные науки в дополнение к каббале, выводимой из основных принципов или названий глав «Сефер Йецира» касательно букв (и их комбинаций)... Ибо пророк передал бы нам тайны сочетания согласных и сочетания гласных звуков между ними, путей, коими эманации тайные и действенные силы, и причину того, почему этой эманации ставят какие-то преграды свыше... Все это он сообщил бы нам непосредственно, тогда как ныне мы понуждены искать окольных путей и передвигаться только в ограниченных пределах, попеременно появляясь там и сям в надежде встретить Бога. Ибо само собой разумеется, что любое достижение в науке каббалы, рассматриваемое в точки зрения самой каббалы, есть лишь случайность, хотя бы для нас оно и было самой основой нашего существа.

Этот каббалистический путь, или метод, требует прежде всего поддержания чистоты тела, ибо плотское есть символ духовного. Следующей ступенью восхождения является очищение наших телесных и духовных свойств, в особенности устранение гневливости или нашего интереса к чему-либо иному, помимо самого Имени, будь это даже забота о нашем единственном возлюбленном сыне. И в этом разгадка той тайны Священного Писания, что «Бог искушал Авраама». Следующая степень в восхождении заключается в освобождении души от всех других наук, которые человек изучал. Необходимость этого вызвана тем, что будучи естественными и ограниченными, они загрязняют душу и не допускают прохождения через нее Божественных форм. Это необычайно тонкие формы, и хотя даже малая форма по природе своей являет собой нечто великое по сравнению с естественным и рациональным, тем не менее она рядом с утонченностью духа выглядит как нечистое толстое покрывало. По этой причине предписывают уединиться в отдельном доме, и если в него не проникает шум (извне), тем лучше. Поначалу рекомендуется украсить дом свежей зеленью, дабы усладить

душу растительную, которой человек обладает наряду с животной душой. Затем надобно молиться и распевать псалмы приятным мелодичным голосом и (читать) с жаром Тору, чтобы усладить животную душу, которой человек обладает наряду со своей разумной душой. Далее человек направляет свое воображение на умопостигаемые предметы и на уразумение того, каким образом одна вещь происходит из другой. Затем приступают к перестановке букв, которые (в своих комбинациях) не воспринимаются умом, чтобы таким путем отделить душу (от чувств) и освободить ее от всех форм, ранее пребывавших в ней. Таким же путем переходят к усовершенствованию своей (телесной) материи посредством еды и питья и постепенно делают ее (плоть) все более благородной. Некоторые же способы перестановки букв мы рассмотрим в главе о буквах. Затем человек достигает ступени «скачка», ибо в Священном Писании сказано: «и знамя Его надо мною — любовь». «Скачок», к которому приступают после того, как завершены все упражнения с буквами, заключается в медитации о самой мысли и в абстрагировании ее от всякого слова, независимо от того, связано ли оно с каким-нибудь понятием или нет. Осуществляя этот «скачок», надо привести комбинируемые согласные в движение толчком. Такое движение воспаляет мысль и так усиливает радость и желание, что потребность в пище и сне или в чем-либо подобном уничтожается. При отделении слов от мысли в процессе медитации вы столь напрягаете себя, что утрачиваете власть над своим природным разумом, и если бы вы пожелали не мыслить, вы не смогли бы исполнить свое желание. Затем вы ведете шаг за шагом свою мысль вперед, сначала через посредство письма и языка, а затем через посредство воображения. Когда, однако, вы перестанете управлять своей мыслью, возникнет необходимость в другом упражнении. Оно состоит в постепенном отвлечении мысли во время медитации от ее источника, покамест наконец не будет достигнута ступень, когда вы лишитесь дара речи и не сможете восстановить его. Если остается достаточно силы, чтобы продлить это отвлечение мысли, тогда внутреннее проявит себя вовне и с помощью чистого воображения примет форму сияющего зеркала. И это — «пламя меча обращающегося», в котором тыльная грань становится передней. После этого человек видит, что его сокровенная сущность оказывается вне его самого. Таким был, согласно Торе, путь *урим* и *туммим*, оракул священника, в котором буквы также сначала высвечивались изнутри; послание, передаваемое ими, не является непосредственным и упорядоченным, но появляется лишь вследствие правильного комбинирования букв. Ибо форма, отделенная от своей сущности, ущербна, пока она не превратится в такую, восприятие которой доступно воображению, и в этой новой форме буквы вступают в совершенную, упорядоченную и понятную комбинацию. И мне кажется, что это и есть та форма, которую каббалисты именуют «облачением», *мальбуш*».

Знай, что великий предмет, которому мы посвятили себя, принадлежит внутренней сути и все наши речи о нем могут быть только притчей и иносказанием, которое направляет разум к существованию (а не сущности) предмета. Поэтому просвещенному не следует осуждать меня за то, что, ради указания пути, я придаю телесность, говорю о материи там, где нет материи, о форме, где нет формы. И это тем более верно, поскольку он судит и умозаключает от природного, покоящегося умопостигаемого к умопостигаемому Божественному, движущемуся. И язык движется в многозначном слове, которому определение не положило предел. Поэтом подобает дорожить славой своего Создателя и приписывать недостаток себе, стоящему и застывшему в определенной природе, которая есть истина на своем уровне. И некоторые из философствующих умозрителей были увлечены мнением о предвечности мира и заподозрили в этом Учителя (благословенна его память!), благочестивого и совершенного всеми родами совершенства и в ограниченном умопостигаемом и в Божественном умопостигаемом.

Вот что сказали они: учитель благословенной памяти сказал, что если бы предвечность мира была бы доказана, мы бы, не останавливаясь ни перед каким препятствием, истолковали бы (текст) согласно этому, подобно тому, как обстоит дело с антропоморфизмами. Более того, мы могли бы найти больше аргументов в пользу предвечности, чем в пользу творения. И сказали они но ведь учитель

דע שהענין הגדול אשר שמנו עצמינו בו הוא פנימי מאד וכל דברינו בו אינם אלא דרך משל וחידה להיישיר השכל למציאותו ועל כן אין ראוי למשכיל לתפוש על דברי בראותו לפעמים כי אני מגשים וממציא חמרים מבלתי חמרים וצורות מבלתי צורות בעבור ההישרה וכל שכן בהיותו דק ומקיש מן המושכל הטבעי הנח והמוגדר על המושכל האלהי הנע ולשון נע בשם משותף אשר לא יקיפהו גבול אלא ראוי שיחוס על כבוד קונו ויתלה החסרון בו מצד היותו עומד ומקויים בטבע המוגבל אשר הוא אמתי לפי מהותו, וכמה מן המעיינים המתפלספים סעו באמונת הקדמות וחשדו הרב ז"ל הכשר והשלם מכל מיני השלמות במושכל המוגבל ובמושכל האלהי.

וזה דברם, אמרו הרי הרב ז"ל אמ' שאלו היה לנו מופת על הקדמות לא היתה מונעת אותנו שום צורה שלא היינו מעמידים אותה עליו כאשר עשינו בשלילת הגשמות וכל שכן שהיינו יכולין להביא ראיות על הקדמות יותר מן החדוש, אמרו והרי הרב ז"ל מסר כמתנה הקדמות ובונה על שורש הקדמות לחייב מציאות האלו"ה מהם, ועתה לא ימלט מהיות אותות ההקדמות או צודקת או כוזבת אם הם כוזבות תולדתם כוזבת

благословенной памяти допустил тезис о предвечности в качестве уступки оппоненту и построил на нем доказательство бытия Божия. Но ведь аргументы в пользу предвечности либо истинны либо ложны. Если они ложны, и их следствие может быть ложны, и следовательно бытие Божие не доказано, если же они истинны, как подобает быть посылкам истинного доказательства, то предвечность истинна. И они не нашли ответа на это и отделились в грехах своих от истины, по причине слабости их веры в традицию, идущую от Моисея.

Теперь послушай разрешение этого вопроса, на которое намекал и учитель благословенной памяти, а они не обратили внимания. Знай, что постулаты эти в своей сути, согласно наблюдаемой природе, сложной и покоящейся, несомненно правильны. Однако заключать из них о том, что за природой, о том, что отделено всяческим отделением; исходить из сложных природных, определенных, покоящихся сущностей и судить о предмете простом, не подчиняющемся закону природного – абсолютно ложный ход.

Поэтому Учитель сказал, что вопрос это – место остановки разума – речь идет о человеческом разуме, ограниченном и постигающем природные сущности их сложение. Сила этого разума не может идти дальше.

והנה לא חייב מציאות דבר במופת, ואם הם צודקות כאשר יחייב זה גדרי הקדמת המופת הקדמות אמתי, ולא מצאו לזה תשובה וסרו בעונותיהם מן האמת לחולשת דעתם מאמונת קבלת משה רבינו ע"ה.

יעתה שמע הטר זה הענין ותשובתו אשר הרב ז"ל רמז עליו ולא הכירוהו. דע שההקדמות באמת עצמם לפי הטבע הזה המורכב הנח הם צודקות בלי ספק, אמנם להקיש מהם על מה שאחר הטבע הפשוט אשר הוא נבדל בכל מיני הבדל ולהעריך מן המורכב הטבעי בהקדמות בנויות על המושכלות הטבעיות המוגדרות הנחות ולהוליד ענין פשוט בלי מתנהג על מנהג הטבע כלל, זהו שקר גמור, ועל כן אומ' בהגיון בספר המופת שצריכין להיות הקדמות המופת מורכבות בסוגין הקרובים להם לא הרחוקים, כמו החיות לאדם, כי בהרכבת פועל ומתפעל לא יולידו אלא דמות מה שבעצמן, אם כן ההקדמות ההם בערך אל התולדות הם שקריות, ועל כן אמ' הרב כי זה מעמד שכל כלומר שכל אנושי מוגדר משיג הטבעים והרכבתם והנולד מהם לא יעבור כחו זולת זה.